

Александр Домашенко

**Тайна романа
"Мастер и
Маргарита". Рассказ**

Александр Домашенко

**Тайна романа «Мастер
и Маргарита». Рассказ**

«Автор»

2024

Домащенко А.

Тайна романа «Мастер и Маргарита». Рассказ / А. Домащенко — «Автор», 2024

В рассказе речь идет о молодом учителе, который в 70-е годы прошлого века после окончания университета был направлен на работу в отдаленное село. Там он познакомился с бывшим учителем той же школы, в которой работал сам. Старый учитель, Федор Борисович С-кий, рассказал своему молодому коллеге историю своего знакомства и общения с М.А. Булгаковым. В частности, речь шла о тайне романа "Мастер и Маргарита", которую умирающий писатель сообщил С-кому, и которую находящийся в преклонном возрасте С-кий передал своему собеседнику.

© Домащенко А., 2024

© Автор, 2024

Александр Домашенко

Тайна романа "Мастер и Маргарита". Рассказ

“”

Тайна романа “Мастер и Маргарита” (Из цикла “Встречи”)

Рассказ

I

В середине августа 197* года я, молодой филолог, только что окончивший Д-кий университет, отправился по выданному мне направлению в отдаленное село на севере Д-кой области.

Настроение было прескверное. Никакого призвания к учительской жизненной стезе я в себе не ощущал, а без призвания любая работа, если это не синекура, становится каторгой. К тому времени, несмотря на довольно юный возраст, я давно уже гораздо комфортнее чувствовал себя в уединении с хорошей книгой в руках, чем в толпе приятелей-студентов с их неприятным времяпровождением. Впрочем, значимость такого времяпровождения я с некоторым опозданием все же оценил, как только оказался в полном одиночестве в П-ном и сделал первый вдох в разреженном воздухе абсолютной пустоты – без эха и отклика.

И выяснилось, что все мои эпиграммы, каламбуры, экспромты и пародии, которые кого-то обижали, а кого-то смешили, можно обращать отныне только к самому себе, но еще печальнее было осознать, что моим песням, которые в исполнении моего тогдашнего ближайшего друга с удовольствием слушали в нашем общежитии, отныне на долгие годы суждено замолчать.

Впрочем, в этом рассказе речь пойдет не обо мне: ради этого не стоило бы призывать Музу.

Речь пойдет об одном удивительном подарке судьбы, полученном мною в том глухом селе.

Но все же без предварительных объяснений не обойтись.

Постепенно я привыкал к моей новой самостоятельной жизни, хотя она и не становилась для меня более приятной. Меня не обольщали, когда я приходил на следующий урок, восторженные взгляды четвероклассников, благодарных за рассказанную накануне сказку, потому что перед моими глазами были восьмиклассники, которым уже ничего невозможно было рассказать по той простой причине, что жизнь в неблагополучных семьях успела осуществить по отношению к ним свою неотвратимую воспитательную работу, настолько мощную, что противостоят ей никакой учитель, конечно, не смог бы. Так и случилось, скажу я, забегая вперед: лучший ученик тогдашнего четвертого класса, писавший чудесные сочинения, уже через четыре года после окончания школы стал горьким пьяницей.

Это чувство непоправимой неизбежности, витавшей в воздухе в последние годы позднего застоя, овладело мною в первые же дни пребывания в П-ном и не покидало меня до последнего дня – в течение долгих пяти лет моей “ссылки”, а в иные дни – и каторги.

Расскажу об одном из рядовых, будничных эпизодов моей тогдашней жизни. Как-то к нам в школу приехал из райцентра пропагандист с антирелигиозной лекцией. Не знаю, была ли у него приличная шляпа пирожком, но я как-то сразу прозвал его про себя Берлиозом. В середине нудной лекции, которую давно уже никто не слушал, он внезапно прервал свое бормотание и громко спросил: “Оказала ли религия какое-то влияние на искусство?” – и сделал партийную паузу, пристально глядя на аудиторию наметанным взглядом чекиста.

Сидевший рядом старшеклассник повернулся ко мне и спросил:

– Оказала?

– Огромное, – ответил я.

Но Берлиоз, хотя и всего лишь районного масштаба, видимо, вполне удовлетворенный покорным молчанием слушателей, торжественно провозгласил по слогам:

– Ни-ка-ко-го!

И я увидел краем глаза, что ученик, задавший мне вопрос, ухмыльнулся. Его насмешка была, разумеется, обращена ко мне, а не к лектору. Ему и в голову не могло прийти, что лектор, приехавший из райцентра, мог ошибаться.

Что ж, они все-таки добились того, к чему неуклонно стремились, начиная с семнадцатого года. Но именно в тот момент, когда они, наконец, одержали эту свою победу, Пирр принял их в свои могучие объятия, из которых они не имели ни одного шанса вырваться.

Хотя со стороны могло показаться, что всё у меня складывается не так уже плохо. В одном из московских журналов даже написали, что я похож на молодого Достоевского. Некий журналист, занимавшийся проблемами педагогики, по заданию редакции оказался в нашем селе и после непродолжительного разговора со мной счел почему-то такое сравнение уместным. Эту статью кто-то прочел в поселке, в котором прошло мое детство. Новость распространилась, и когда я в следующий приезд к родителям встретил на улице тетю Тоню, старшую сестру моей матери, которой побаивался всю жизнь из-за безапелляционной прямооты и категоричности ее суждений, она сразу же, даже не поздоровавшись, сказала: “Ты теперь знаменитость”. С той поры мне никогда в жизни не хотелось, чтобы на меня оглядывались на улице.

Но, несмотря на такое сравнение, я к своей преподавательско-бурлацкой лямке относился, как к бессмысленной повинности, которую добросовестно, насколько это было в моих силах, отбывал, и с чувством огромного облегчения возвращался в свою комнату, чтобы заняться изучением очередного тома Толстого или того же Достоевского, которого не стал после упомянутой истории почитать меньше. Помню один из самых волшебных предновогодних вечеров, проведенных мною в П-ном, когда оно внезапно преобразилось в село Степанчиково и наполнилось его обитателями.

По вечерам я готовился к урокам или слушал зарубежные литературные передачи по транзистору: той же первой осенью в течение нескольких недель я целиком прослушал “Собачье сердце” и на всю жизнь запомнил наизусть целые куски из этой повести. Разумеется, я много читал, находясь в мучительных поисках темы для кандидатской диссертации.

Варвара Мытровна, старушка, в доме которой я квартировал, родившаяся и первые шесть лет своей жизни прожившая при Льве Толстом, после Гражданской войны вышедшая замуж за красавца Сергея в красных галифе (ни у кого в селе таких не было) и потерявшая мужа в Великую Отечественную, обычно брала у меня какую-нибудь книгу и в соседней комнате подолгу разбирала по складам подписи под картинками. После этого она, чтобы удовлетворить пробудившуюся любознательность, спрашивала, кто это. В своих объяснениях я старался не выходить за пределы доступного ей понимания.

– Хмыколайовыч, – раздался однажды ее привычный призыв, – а кто такой Карыл Маркыс?

Я не был уверен, что понял, о ком идет речь, поэтому подошел к хозяйке и увидел в книге торжественную бородатую физиономию – бога-отца в официальном советском иконостасе.

– Цэ той, шо Совецьку власть прыдумав.

– А нэ дедушка Ленин?

– А дедушка Ленин ййии зробыв.

Она долго всматривалась в чем-то заинтересовавший ее величественный лик обоженного идола и, наконец, без всякого пиетета сказала:

– Та вин тэж воротылю гарный був.

И в этот момент так очевидно стало, что неграмотность имеет свои преимущества перед той грамотностью, которую внедрила в нашу жизнь советская пропаганда.

Конечно, в хорошую погоду я ходил на прогулки, чаще всего в рощу на окраине села, и только там – в окружении берез и кленов, покрытых желтыми и багровыми листьями, – чувствовал себя если не счастливым, то умиротворенным. С коллегами, целиком погруженными в свои повседневные и малоинтересные для меня проблемы, я общался только на работе, а на вечеринке, организованной в школе по случаю Дня учителя и приуроченной к нему встрече выпускников, которых я никого не знал, не задержался, уйдя при первом удобном случае по-английски.

Впрочем, коллеги относились ко мне хорошо, оценив, по-видимому, отсутствие во мне даже намек на городское чванство, к которому они, как и все сельские жители, были болезненно чувствительны. Еще в первый день моей работы завуч, вводя меня во владение кабинетом русского языка и литературы, несколько сконфужено извинялась за его плачевное состояние, но когда я увидел переносной проигрыватель и несколько десятков пластинок классической музыки, в том числе и некоторых симфоний Моцарта, по-видимому, много лет пролежавших здесь без употребления, я тут же закричал:

– Отличный кабинет!

И с тех пор на все выходные проигрыватель и очередные две-три пластинки переключивались в мою комнату.

На упомянутой вечеринке я впервые увидел Федора Борисовича С-кого, тогда уже почти восьмидесятилетнего старика, совершенно седого, сгорбленного и с палочкой, на которую он, когда останавливался, опирался обеими руками. Не заметить его было невозможно: именно к нему в первую очередь подходили бывшие ученики школы и далеко не сразу отходили, так что он поневоле становился центром праздника. Он что-то без устали говорил то одному своему бывшему ученику, то другому, не разбирая возраста, с одной и той же интонацией сельского балагура, и после каждой его реплики раздавались дружные взрывы хохота. Было сразу заметно, что его любили, и, вероятно, если бы не он, гостей в тот день в школу приехало бы намного меньше.

Как бы мы ни относились к “миллионам двуногих тварей”, к которым и сами принадлежим, но одного у них не отнять: они на дух не переносят любую подделку. А С-кий, судя по всему, подделкой не был, раз уж к нему так тянулись.

Впрочем, в нашей теперешней жизни, которая с каждым годом становится всё более и более искусственной, соответственно и подделок становится все больше, и они тянутся к себе подобным, образуя сообщества, порой весьма многочисленные, и постепенно захватывая все новые и новые жизненные пространства: плачевное состояние в наши дни Университета как одного из прекраснейших творений эпохи Гуманизма объясняется именно этим. Идея Университета умерла, как только ею завладели имитаторы – все те, кто никогда не жил насыщенной интеллектуальной жизнью, порождаемой духовной жаждой, которую Университет должен и порождать, и питать. А без этого он превращается в совокупность зданий, из которых вынули душу.

Самые безобидные из упомянутых сообществ – объединения непризнанных талантов, призванные тешить больное самолюбие и тщеславие их участников. Гораздо опаснее для общества объединения политические, главной движущей силой которых являются зависть и алчность, всегда прикрытые беспредельной демагогией и самым бесстыдным популизмом. А поскольку из всех нынешних политических партий разве что одна из тысячи, чудом сохранившаяся, все еще руководствуется здоровыми идеями, а не корыстными интересами, постольку именно такие партии неизбежно оказываются объектом самой разнузданной травли. Становится понятно, в чьей власти уже давно находится наш несчастный мир. Трагический пример нынешнего Запада, пытающегося выдать за норму то, что никогда, ни при каких условиях не может быть нормой, у всех перед глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.